Глава 33: Охота на ласку

"Выход из подземелья". – сказал я, и иллюзорный барьер вокруг меня разрушился точно так же, как и тогда, когда я впервые вошел в подземелье. Ранее темное помещение снова залил свет. Я быстро проморгал пятна, появившиеся в моем зрении в результате внезапного освещения солнечными лучами. Я провел в подземелье около 15 часов, то есть с момента входа прошло всего 5 часов, так что в реальном мире был еще вечер.

Я оказался на том самом месте, где вышел из подземелья - у входа на кладбище клана Учиха. Мне было интересно, как это будет выглядеть для стороннего наблюдателя, когда я вхожу или выхожу из подземелья.

Будет ли это выглядеть так, будто я просто исчез и снова появился в воздухе, или как-то иначе? Это было не то, что я мог проверить без помощи другого человека, если только я не изучил технику Теневого Клона и не позволил ему наблюдать за тем, как я вхожу в подземелье, прежде чем отбросить его и получить воспоминания.

Сначала я проверил свое ближайшее окружение, чтобы убедиться, что вокруг нет никого, кто был бы свидетелем моего появления из ниоткуда. Судя по всему, по крайней мере, насколько я мог судить, я был единственным человеком в этом районе. Однако, как раз когда я собирался уйти и покинуть территорию клана Учиха до того, как кто-нибудь наткнется на меня, я услышал тихий, но отчетливый детский плач.

Я повернул голову в сторону источника плача, который, как я понял, находился на кладбище клана Учиха. Я наклонил голову. На территории клана Учиха, а особенно на кладбище, не должно быть никого, кроме единственного оставшегося члена клана Учиха.

Любопытствуя, я заглянул на кладбище и заметил маленького ребенка, который сидел и тихонько всхлипывал перед двумя надгробиями, стоявшими бок о бок. Прическа ребенка, даже если посмотреть на его затылок, была сразу же узнаваема. Это был Саске, сидящий и плачущий перед тем, что, как я предполагал, было могилой его родителей. Вздохнув от жалкого зрелища, я сделал шаг вперед, немного поколебавшись, прежде чем продолжить свой путь к мальчику.

Я шел вперед так тихо, как только мог, стараясь не быть навязчивым. Учиха все еще не заметил меня, когда я был уже почти рядом с ним. Я приостановился на мгновение, ожидая, что он заметит мое присутствие, но он все еще был сосредоточен на надгробии своих родителей.

Молча, я присел рядом с ним, что, наконец, привлекло его внимание.

Саске вздрогнул от моего внезапного появления и чуть не отпрыгнул в сторону, но, узнав меня, быстро вытер слезы и сопли с лица.

"Почему ты здесь?" - спросил он с некоторой враждебностью и, как я понял, с удивлением и недовольством по поводу моего вторжения на территорию его клана, а главное - вторжения в то, что было личным моментом между ним и его родителями.

Я взглянул на него на мгновение, прежде чем повернуться обратно к надгробиям его родителей. "Прости, я искал тебя, чтобы поговорить, но не смог найти. Тогда я попробовал поискать в клановом комплексе. Честно говоря, я также хотел увидеть место, где жили один или оба моих родителя, место, где я мог бы вырасти, если бы не был... Не знаю, я думал, может быть, я найду... завершение или что-то в этом роде. Потом я увидел тебя и услышал, как ты

плачешь, и... я просто подумал, не знаю, я просто подумал, что тебе не стоит быть одному, или что тебе нужен друг".

Саске нахмурился и отвернулся, вытирая последние слезы на щеках.

"Я... я не плакал. И мне точно не нужен друг!" - упрямо заявил он. Вот это цундере, хотя он был на ноль процентов милым.

Я бросил на него короткий взгляд, но потом снова повернулась к надгробиям: "Плакать - это нормально. И это нормально, когда тебе нужен друг".

На мои слова Учиха встал и уставился на меня: "Мне не нужен друг! Мне нужна сила! Достаточная, чтобы убить Итачи! Достаточно, чтобы заставить его заплатить за то, что он сделал! И до этого дня... никогда не будет нормально плакать. Только тогда я смогу... только тогда я буду иметь право чувствовать что-то, кроме гнева!"

Я поднял на него глаза, выражение моего лица было бесстрастным. Он говорил громко, но его тон не отражал ярости, которую он явно испытывал к своему брату. Его тон выдавал шрамы, вытравленные в его сердце; боль, одиночество, печаль и мучительную агонию, которую переживал день за днем. Он дошел до того, что каждый миг мучился от навязанной ему обязанности убить брата и отомстить.

Психолог классифицировал бы его саморазрушительное поведение как вину выжившего - вину за то, что он остался жив, в то время как все вокруг были мертвы. Он винил себя за то, что не сделал больше для спасения своего клана, и осуждал себя за то, что остался жив, таким образом, взяв на себя ответственность отомстить за свой клан в качестве формы заглаживания вины или искупления.

"Ладно, ладно, ты не плакал". Я ответил, как будто успокаивая ребенка, которым, наверное, технически и был. "Тогда давай просто посидим здесь в тишине, не плача и не как друзья. Как насчет этого?"

"Ты...! Хмф, я больше не чувствую себя так. Как долго ты планируешь здесь оставаться?"

"Я не уверен. Почему бы тебе не присесть со мной и не выяснить, а?" - спросил я дразняще, но он, похоже, не очень-то хотел шутить.

Саске начал уходить: "У меня нет времени тратить на тебя время. Мне нужно тренироваться. Ты покажешься, как только закончишь свои глупости".

"Думаешь, твои родители хотели бы, чтобы ты так жил? Никогда больше не быть счастливым и погрязнуть в своей ненависти?" - воскликнул я, все еще сидя на земле и глядя на надгробие Фугаку и Микото.

Саске выглядел ошеломленным, но быстро стиснул зубы, обернулся, потянулся вниз и схватил меня за воротник: "Ты ничего не знаешь! Как ты, сирота, можешь знать что-то о том, чего хотят родители!" Он вскрикнул, но тут же поморщился и, к его чести, выглядел слегка виноватым за то, что заговорил о моей трагической, по его мнению, предыстории.

"Да, ты прав. Сирота вроде меня не знает, чего бы хотели твои родители". Я простодушно ответил, заставив Саске вздрогнуть, но его хватка на передней части моей рубашки, тем не менее, не ослабла. "Но что я знаю, так это как жить с тем, что дала тебе судьба, как сделать лучшее из дерьмовой ситуации и не поддаваться отчаянию".

Саске оскалился и открыл рот, чтобы возразить, но я схватил его за запястье и продолжил: "Может, у меня и не было родителей, но у меня все еще есть люди, о которых я забочусь. Такие, как Каори. И я знаю, что если бы со мной что-то случилось, я бы не хотел, чтобы она погрязла в жалости к себе. Нет, я бы хотел, чтобы она была счастлива, чтобы она продолжала жить, даже если это означает забыть обо мне".

Учиха сжал кулак, его хватка на моей рубашке усилилась, и он закрутил ее еще сильнее. "Ты... ты хочешь, чтобы я забыл своих родителей!? Забыть об Итачи!? Невозможно! Я... я последний Учиха. Я обязан никогда не забывать о клане, мой долг - выследить предателя, и моя цель - убить его."

"Я не говорю, что ты должен забыть о своих родителях или простить то, что твой брат сделал с твоим кланом. И я уже говорил тебе, что бы ты ни сказал, я буду рядом с тобой в тот день, когда мы его убьем. Я пытаюсь сказать, что если ты будешь продолжать в том же духе, ты никогда не сможешь этого сделать".

"О чем ты вообще говоришь? Не надо недооценивать мою решимость, ублюдок!"

Вздохнув, я отстранил его руку от своей рубашки, другой рукой разглаживая складки: "Я не недооцениваю твою решимость. Но подумай сам - насколько силен был Итачи в твоем возрасте? Твой брат, Итачи, я кое-что слышал о нем. Когда ему было шесть лет, он закончил Академию Шиноби и стал Генином. В десять лет он сдал экзамены на Чунина. Через год после этого, он вступил в Анбу, и спустя год его повысили до капитана Анбу. Это означало, что к тому времени он уже был как минимум Джонином".

http://tl.rulate.ru/book/56242/1715103